

УДК 94(47).084.9

Т.А. Булыгина

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. СТАТЬЯ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ, МАССОВОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье рассматриваются настроения в среде учащейся молодежи, научного сообщества обществоведов, а также интеллектуальная атмосфера в местных обществах Советского Союза 1940-х – начала 1950-х гг., а также выявляется механизм влияния об-

щественных наук на массовое сознание советского общества.

Ключевые слова: гуманитаристика, общественные науки, советская идеология, идеологический диктат, интеллектуальное пространство.

Т.А. Bulygina

THE INTELLECTUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY. ARTICLE 2. SOCIAL STUDIES AND MASS PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE POSTWAR YEARS

The article deals with sentiments among students and academic community of social studies' scholars as well as intellectual atmosphere in local societies of the Soviet Union in the 1940-s – early 1950-s. The author examines the

mechanism of influence of social sciences on mass consciousness of the Soviet society.

Key words: Humanities, social sciences, Soviet ideology, ideological dictatorship, intellectual space.

В отечественной и зарубежной историографии советское обществоведение, как правило, рассматривается как объект партийно-государственной политики. Однако общественные науки в СССР были существенным субъектом воздействия на умы людей и инструментом воздействия на массовое сознание. Именно такой подход мы встречаем у А.И. Солженицина в отличие, к примеру, от А.Д. Сахарова, считавшего идеологию и обществознание малозначимым фактором общественного сознания.

Несмотря на господство советской официальной идеологии и советского обществознания как ее проводника, восприятие обществоведческих знаний в сталинской интерпретации в разных слоях общества было неоднозначным. Так, в Докладной записке секретаря Краснопресненского райкома г. Москвы, адресованной «наверх», отмечалось наличие антимарксистских идеалистических взглядов среди студентов МГУ. Правда, автор Записки считал, что

причина этого кроется в беспартийности их учителей, особенно преподавателей по «мировоззренческим дисциплинам» – В.Ф. Асмуса, А.Ф. Лосева, В.В. Виноградова и др. [17, с. 1]. На самом деле молодежь после войны была гораздо более открыта как действительному идеализму, так и критическому переосмыслению официальных догм с марксистских позиций.

Молодое поколение является наиболее эмоционально неустойчивой социальной группой в любом обществе. Поэтому именно в ее среде особенно остро воспринимается расхождение между идеологическими заявлениями властей и порожденными ими ожиданиями и реальностью. С одной стороны, Страдания войны, ее жестокость в совокупности с ужесточением идеологического диктата в первые послевоенные годы породили у определенной части молодых людей чувство безысходности и полной безнадежности.

Следствием этого стал всплеск религиозности, который коснулся и студенчества,

особенно его женской половины, а также рост самоубийств, опять-таки особенно среди студентов, о чем свидетельствуют рассказы современников и некоторые документальные данные [5, с. 159]. С другой стороны, надежды на светлое будущее, энтузиазм созидания, вера в партию, приведшую к победе над фашизмом, составляли настроение большей части молодых людей. Были и третьи, у которых чувство разочарования трансформировалось в поиски новых «врагов народа», о чем свидетельствуют данные исследователя Е.Ю. Зубковой [4, с. 581, с. 582].

Однако среди думающей, образованной молодежи разрыв между словами и делами вызвал чувство протеста, желание переломить обстоятельства. В этом крылся один из факторов рождения ростков студенческого сопротивления, слабого и наивного, но ознаменовавшего появление новых явлений в общественном сознании. В дневниках замечательного историка С.С. Дмитриева глухо упоминается о подпольных студенческих организациях. Об одной из таких групп в Воронеже рассказал один из ее участников поэт А. Жигулин [3].

В 1946–1951 годах по стране прокатилась волна судебных процессов по делам молодежных организаций. Интересно проанализировать действительные мотивы их появления. Вот как комментировал С.С. Дмитриев рождение «несоветских» настроений молодежи: «... действие рождает противодействие. Так, несчастную молодежь пичкают и накачивают официальной идеологией, что у людей оскомины набита и челюсти от зевоты сводит. Молодые люди хотят быть самостоятельными хотя бы иногда, хотя бы наедине с собой. Но это-то и возбраняется» [5, с. 1259]. В таких группах, числом не превышавших десятка, принимали участие в основном старшеклассники или студенты, стремившиеся к самостоятельным размышлениям над вопросами бытия и культуры. Среди них обязательно находился молодой человек, имевший в силу социального положения родителей доступ к «запрещенной» литературе, будь то стихи

С. Есенина и поэтов «серебряного века» или запрещенные произведения В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого. Беседы на несанкционированные вузом или школой темы приводили к развитию критического взгляда на действительность, в том числе, на политику. Например, в Челябинске осудили группу молодежи за организацию «контрреволюционной деятельности и клеветнические измышления». Эти молодые люди составили воззвание «Манифест идейной коммунистической молодежи», в котором подвергли критике перерождение коммунистической партии и советской власти и призывали к борьбе с режимом. Другая организация в этом же городе была осуждена как антисоветская только за то, что ее участники пытались продолжить поэтические традиции символизма [12, с. 433, с. 434].

Нельзя преувеличивать метания учащейся молодежи, ибо как справедливо отмечал тот же С.С. Дмитриев, равнодушие большинства студентов к политике, проявлявшееся в частности в отношении к судьбе гонимых за «космополитизм» преподавателей, было типичным явлением. Как справедливо заметила редактор дневников С.С. Дмитриева и его ученица И. Эймонтова, действовал инстинкт самосохранения и стремление избежать опасности. Случаи ухода в частную жизнь, в религию, в нелегальные организации были редкими, но, тем не менее, они отражали определенную тенденцию перелома в общественном сознании.

Неоднозначными были настроения самих обществоведов. На их поведение, безусловно, влияли и обстоятельства жизни, и личные взаимоотношения, но главным для лучших из них было стремление сохранить искру научного дерзания под покровом «нужных фраз и фактов». Для большинства был характерен конформизм, т. к. истинная коммунистическая убежденность, вера в идеи В.И. Ленина не гарантировала лояльности, а скорее наоборот, делала человека подозрительным в глазах власти. Таких стойких, верующих догматиков в послевоенные годы становилось всё меньше. Критически мыслящие фронтовики, пришедшие в общественную науку, еще

доучивались на старших курсах и в аспирантуре. Наконец, репрессии и война почти целиком поглотили остатки старой интеллигенции. В то же время среди советских общественных встречались и такие уникальные ученые старой школы, каким был выдающийся культуролог и философ А.Ф. Лосев, который в 1944 г. откровенно признавался студенческой аудитории в своем идеализме [17, с. 2]. Ученый был лишен работы в МГУ и перешел на работу в Московский педагогический институт им В.И. Ленина. Чтобы не быть исключенным из сферы научной жизни, без которой он не мыслил существования, выдающийся русский ученый в мае 1949 г. написал письмо в ЦК ВКП (б), где заявил, что пересмотрел свои идеалистические взгляды и принял марксистско-ленинскую теорию. Только после этого Отдел пропаганды и агитации ЦК разрешил обсудить труды Лосева в Институте философии Академии наук СССР [21, с. 53].

Общественное сознание и его носители не только страдали от режима, но и само становилось орудием изгнания живого творческого духа из науки, средством ее догматизации. Вот что вспоминает один из участников заседаний печально известной сессии ВАСХНИЛ в июне 1948 г., генетик, член-корреспондент АН СССР И.А. Рапопорт: «С восторгом встретила лысенковская аудитория выступления философов, на разные лады повторявших, что диалектический материализм – на стороне Лысенко и составляет надежный фундамент его теории... Философы призывали ускорить разгром генетики, т. к. «дискуссия слишком затянулась» [26, с. 17]. Современные философы также признают, что философия использовалась властью в качестве дубинки и «идеологической цензуры» в отношении к специальному научному знанию [26, с. 402].

Идеологические погромщики выбирали в жертву тех, кто раздвигал рамки научного познания, давал собственную интерпретацию взглядам классиков марксизма-ленинизма, или просто проявлял порядочность, защищая гонимых. Известный официальный философ Б.М. Кедров в 1960-е гг. признавался, что отдавал дань «гению» Сталина только

формально, на деле разрабатывая действительные гносеологические вопросы марксизма. Об этом свидетельствуют его работы конца 1940-х гг., в частности, статья «О характеристике И.В. Сталиным диалектического метода», опубликованная в конце 1948 года.

Еврейское происхождение и клеймо сына «врага народа» молодого философа З.А. Каменского было далеко не главной причиной его остракизма. Он посмел публиковать статьи, оспаривающие положения советских историков русской философии, например, М.Т. Иовчука. Историк гражданской войны, вполне благонадежному еврею И.И. Минцу не могли простить того, что в одной из своих статей конца 1940-х гг. он не указал Сталина среди зачинателей советской истории [28, с.11]. Беспартийный В.Ф. Асмус слишком оригинально воспринимал марксизм, трактуя его положения по-своему [11]. Во 2-м номере только что созданного журнала «Вопросы философии», благодаря широте взглядов первого главного редактора Б. Кедрова, были помещены статья З. Каменского и работа физика-теоретика М.А. Маркова «Философский смысл квантово-релятивистской физики». Неблагонадежные авторы подверглись гонениям, а Б. Кедров был отстранен от руководства изданием, хотя и оставлен в составе редакции.

Карающий меч партии в любую минуту готов был упасть на голову любого советского обществоведа, независимо от его лояльности и таланта, т. к. тотальный страх был единственным универсальным средством удержания науки в узде. В отношении физики, математики и технических областей знания такая узда имела свою специфику, ибо оборона нуждалась в научно-техническом прогрессе. Обществознание же, в силу своего социального статуса, было удобным «мальчиком для битья». Свидетельством тому может служить рядовой пример с «цепным псом» марксистско-ленинской философии М. Митиным, который подвергся в 1943 г. критике за принижение руководящей роли партии [21, с. 50].

Атмосфера неуверенности, грубой брани, преследований по самым вздорным поводам, окружавшая творчески мыслящих

людей, создавала ситуацию, чрезвычайно благоприятную для культивирования человеческих пороков, для развязывания интриг и сочинений клеветы в адрес любого несимпатичного клеветнику человека. Без фактора личностных отношений, отражающего специфику характера того или иного исторического персонажа, без учета личных обид, зависти к чужим успехам, дурно понятой «бдительности», естественного человеческого желания выжить и сохранить работу, обеспечивавшую в те времена неплохой уровень выживания на фоне общей бедности, история обществоведения в СССР представляется схематичной и неполной.

На поведение людей накладывала отпечаток необходимость постоянно каяться в своих несуществующих преступлениях против партии. Это отнимало физические и духовные силы, разрушало самоуважение и уверенность. Неприятие советской системой творческой свободы, без которой немыслима настоящая научная деятельность, привело к тому, что у руководства обществоведением в большом количестве собрались бесплодные чиновники. В данном случае интересы системы совпадали с личными интересами бездарностей, а у талантливых ученых, даже вполне лояльных, были постоянные сложности. Примером этому служит случай с М.В. Нечкиной. Высокообразованный, одаренный историк, несмотря на некоторые «проработки», была вполне признана и отмечена властью. Тем не менее, длительное время ее «не пускали» в академики. Академическим чинам не по нраву были ее талант и плодovitость, а также ее жесткий характер. Вплоть до 1958 г. её много раз «проваливали» на выборах в Академию наук [6, с. 118]. В разгар борьбы с космополитизмом только происхождение человека при всех очевидных достоинствах могло стоять ему научного успеха. Например, так случилось с соискателем на степень доктора экономических наук И.С. Баком. Его работа была высоко оценена при обсуждении, но при тайном голосовании обнаружилось 9 голосов «против» и лишь 7 – «за» [7, с. 136].

Сталинская власть ловко пользовалась противоречиями человеческой натуры, сохраняя ядовитый воздух неуверенности, недоверия, недоброжелательности, применяя правило «разделяй и властвуй» для сохранения господства государства над учеными. Расположение партийного руководства было мимолетным даже для тех, кто всеми средствами, ценой собственной совести добивался его. Вот почему многие обществоведы в годы перестройки легко оказывались «пострадавшими» от режима. Могли предположить активный идеологический борец от философии П. Федосеев в 1948г., когда в духе времени громил низкопоклонство перед буржуазной культурой, националистические предрассудки, религиозные суеверия, аполитичность и обывательщину [27, с. 75], что через неполных четыре года сам станет объектом резкой критики ЦК, как искажающий генеральную линию [8].

Вчерашний обличитель сегодня легко становился обвиняемым и на-оборот. В такой обстановке трудно было сохранить силы для творчества. Их находили лишь немногие талантливые и сильные духом. Большинство же не выдерживали это нравственное испытание. Непримиримость критики в адрес коллег объяснялась и стилем эпохи, и идеологической выучкой, и желанием отвести беду от самих себя. Молодые талантливые исследователи, которые позже в 1960-е – 1970-е гг. сами не вписались в официальную идеологизированную науку: М.Я. Гефтер [24], А.Я. Грунт [2], А.Я. Аврех опубликовали статьи против «буржуазного объективизма и непартийности» в трудах зрелых историков М.Т. Тихомирова и С.С. Дмитриева. Поступок начинающих ученых можно понять в контексте молодости и в духе времени. Однако трудно поверить в искренность их утверждений – слишком умны они были, чтоб убежденно твердить явный вздор. Здесь прослеживается вполне объяснимое стремление подвергнуть сомнению концепции ученых старшего поколения, хотя в советских условиях форма этих сомнений мгновенно превращала научный спор в идеологическую нагайку. Во-вторых, здесь

чувствовалось подсознательное желание уберечься. Впрочем, диагноз беспощадно поставил фронтовик М.Я. Гефтер незадолго до своего ухода из жизни: «После такой веры друг в друга, после такого братства люди встали против людей, страна вновь кишела «изменниками»... кто сосчитает потери душ... Карьера становилась программой начинающих. Все проникалось и лицемерием, и худшим из самообманов». «Диалекты» патриотизма требовали ежедневного поклонения, а непризнание родственной ксенофобии могло стоить жизни [1, с. 305–306]. Очевидно, что живая ткань истории тех лет не может быть представлена черно-белой картинкой. Сегодня ее важнее понять, чем осудить.

Тяжесть подозрительности и доносительства, губительность ее атмосферы бывала иногда равноценна репрессиям. Люди не выдерживали травли и кончали счеты с жизнью. С.С. Дмитриев, в частности, упоминает два случая самоубийства обществоведов из провинции. В 1949 г. в Иванове повесилась 25-летняя талантливая выпускница аспирантуры исторического факультета МГУ, преподаватель местного пединститута. Это случилось после ее «проработки» за то, что она выступила в защиту Н.Л. Рубинштейна [5, с. 149]. В это же время покончил жизнь самоубийством молодой талантливый историк-фронтовик из Белоруссии после обвинений его в национализме и космополитизме, инициированных Иовчуком [5, с. 153].

Помимо гуманитарной элиты, в СССР социальные функции на всём советском пространстве выполняли и провинциальные обществоведы в учебных заведениях различных регионах. Этот процесс имел свои особенности. Во-первых, наука, пусть идеологизированная, делалась в столицах, а на местах представляла в отражённом виде. Здесь общественные науки были представлены преподавателями марксизма-ленинизма и по-литической экономии да школьными историками. В провинции, случалось, кафедры возглавлялись не то что людьми без степеней, но и без высшего образования. На всех кафедрах марксизма-ленинизма Укра-

ины было лишь 4 доктора наук [14, с. 13], а из 60 обществоведов Эстонии в 1951 г. было лишь 10 «остепенённых» преподавателей [15, с. 2]. Из 5 человек, окончивших в 1952 г. аспирантуру башкирских вузов, ни один не представил диссертацию к защите [13, с. 10], и это была типичная картина. Так, в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте в течение двух лет не могли отпустить с работы освобождённого от должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма из-за отсутствия замены. Даже такие «страшные» грехи, как неучастие в разоблачении ненаучных взглядов своих коллег по институту и защита «лжеучёных» друзей, отсутствие связи преподавания с мичуринской агробиологией и т. п., не заставили обком освободиться от квалифицированного философа. Потребовалось вмешательство министерства, чтобы обеспечить институт новыми преподавателями [13, с. 36, с. 45].

Некомпетентные, но амбициозные люди, занявшие места в провинциальных вузах, были хорошим материалом для формирования послушных и воинственных исполнителей. Типичный представитель этого племени работал в 1950-е гг. в одном из ставропольских вузов, читал лекции по ветхим пожелтевшим листкам и срывал занятия, если студенты прятали его записи. Он серьёзно нигде не учился, а грамоты ему хватало лишь на то, чтобы еженедельно строчить доносы на товарищей. Делом его жизни было разоблачение подвигов разведчика Н.И. Кузнецова и возвеличивание собственной персоны в годы войны на территории Западной Украины.

Именно такие «бойцы» идеологического фронта заваливали партийные инстанции анонимками, которые проверялись, и в случае надобности, использовались против неугодных. В январе 1950 г. в Ставропольском крае работала специальная комиссия из ЦК для проверки фактов анонимного доноса на 17 работников местной сферы образования и культуры. Среди них были работники краеведческого музея, культпросветучилища, школы руководителей сельского хозяйства и т. п. Встречаются в списке

«врагов» и фамилии обществоведов и гуманитариев, в том числе работник краевой библиотеки Е.Н. Китайгородская и ее друг, будущий писатель, а тогда «враг народа» Л. Разгон, и известная в отечественной науке археолог Т.М. Минаева, и местный краевед И.И. Иванько [23, с. 41–46].

Идеологические «проработки» в провинции не имели видимости высоколобых теоретических споров и сводились к ритуалу осуждения «отщепенцев» и выявления неблагонадежных обществоведов. Создавались идеальные условия для сведения личных счетов, для искоренения неугодных. Выявляли «бывших», репрессированных 10–20 лет назад, участников «антисоветских» организаций. В педагогическом институте имени А.И. Герцена в Ленинграде, на кафедре марксизма-ленинизма выявили участника еврейской организации и члена «новой оппозиции» 1925 г.; в Казанском юридическом институте – преподавателя, исключавшегося в 1929 г. из партии за сокрытие социального положения [16, с. 59].

Советские регионы включали в себя и новые западные местности, присоединенные перед Великой Отечественной войной. Эта новая советская провинция отличалась не только слабостью обществоведческих кадров, экспортированных из центра, но и оппозиционными настроениями, что требовало особого внимания к политической благонадежности работников учебных заведений. На одном из идеологических семинаров в Литве, где присутствовали все обществоведы, слушатели возражали против тезиса столичного лектора о прогрессивности присоединения Литвы к России. Из зала пришла записка: «Что прогрессивнее для Литвы: быть в составе Речи Посполитой или в рабстве царской неволи?». На совещании преподавателей общественных наук в Риге в выступлениях участников возникали такие вопросы, как не лучше ли было для Латвии жить «под Пруссией», ибо это развитая капиталистическая страна. Слушатели не соглашались с утверждением, что Латвия 1920–1940 гг. переживала экономический упадок [19, с. 53].

Следует учитывать, что местные руководители распоряжения центра об общественных науках выполняли формально. Слишком много у региональных властей после войны было более неотложных дел в сфере социальной и хозяйственной жизни: преодоление разрухи, борьба с голодом, трудоустройство массы демобилизованных, налаживание быта людей. Проверка состояния общественных наук в вузах страны в конце 1948 г. показала, что Свердловский, Калининский, Иркутский, Татарский, Башкирский обкомы партии, а также ЦК Компартий Украины и Молдавии принимали специальные решения о работе кафедр марксизма-ленинизма, однако контроль за их выполнением не осуществлялся. Не было ни одной проверки хода реализации этих партийных постановлений [18, с. 31].

Задача корректировки идеологического состояния общества, стремления к повышению государственного статуса общественных наук, расчёт на то, что обществоведы помогут стабилизировать социум, вступали в противоречие с реальным положением дел в общественных науках. Это, в свою очередь, сказывалось на социальном и научном престиже обществоведения. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1948 г. в Президиуме Академии наук СССР не было представителей философии, литературы, истории, права, экономической науки. Вопросы обществознания почти не ставились на обсуждение его членами. Вообще в АН СССР, как жаловался Г.Ф. Александров Г.М. Маленкову, «интересы общественных наук в загоне» [18, с. 32].

Несмотря на тотальность охвата советского образования идеологическими дисциплинами, знания учащихся по общественным наукам были поверхностными, т. к. предмет изучения не вызывал интереса обучающихся. В частности, при проверке вузов Удмуртской АССР в июле 1951 г. представители ЦК ВКП (б) отмечали крайне слабую осведомленность студентов в первоисточниках марксизма-ленинизма, полное отсутствие их информированности о научных дискуссиях по философии, языкознанию,

биологии. Во время экзаменов по марксизму-ленинизму молодежь показала скудные знания. Судя по анализу архивных данных, такая или подобная картина наблюдалась во многих учебных заведениях.

О непопулярности обществоведения в массах можно судить по тому, как распространялась в стране общественно-политическая литература. В Узбекистане из 7300 экз. трудов Ленина и Сталина, полученных из центральных издательств, нереализованными остались 1946 экз. работ В.И. Ленина и 1520 книг Сталина. Из 50 тыс. произведений классиков марксизма в Казахстане только 30 тыс. было распространено по подписке, а 20 тыс., предназначенных для продажи в розницу, осталось на складах. Было много случаев отказа от подписки на произведения Ленина, Маркса, Сталина. В одном из районов Кировской области из 22 подписчиков на собрание сочинений Ленина книги выкупили только трое, в другом

районе все 44 подписчика на сочинения Сталина отказались их выкупать. Среди «отказников» были и председатели райисполкомов, и секретари райкомов, и редакторы районных газет, и прокуроры, и комсомольские работники. В результате в Ивановской области на книжных складах скопилось 16 тысяч экз. книг Ленина, а в колхозах области оставались нераскупленными около 1 млн. экземпляров «Краткого курса» [22].

Неэффективность обществоведения в науке, образовании, политическом просвещении можно было преодолеть только посредством специальных мер, повышающих его социальную роль и определяющих его особое место в системе просвещения. Приоритет получала формальная сторона развития общественных наук, т. к. в условиях идеологического давления невозможно было повысить интерес к нему за счёт повышения научности, актуальности и содержательности.

Литература

1. Гефтер М. Сталин умер вчера... / Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
2. Громов А. По стопам буржуазных историков // Литературная газета – 1949. – 19 февраля.
3. Жигулин А.В. Чёрные камни. – М.: Московский рабочий, 1989.
4. Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и её влияние на политику реформ // Россия в XX веке. Историки мира спорят – М.: Наука, 1994.
5. Из Дневников С.С. Дмитриева ... // Отечественная история. – 1999. – № 3.
6. Из Дневников С.С. Дмитриева... // Отечественная история. – 1999 – № 4.
7. Из Дневников С.С. Дмитриева... // Отечественная история. – 1999 – № 5.
8. Известия – 1952 – 25 декабря.
9. Каменский З.А. Философской энциклопедии 25 лет // Вопросы философии. – 1996. – № 1.
10. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие – М.: Международные отношения, 1995.
11. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. – М.: Советский писатель, 1990.
12. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. – М.: TERRA, 1991.
13. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5 Оп.17. Р.5706. Д.433.
14. РГАНИ. Ф.5 Оп.17. Р.5718. Д.469.
15. РГАНИ. Ф.5 Оп.17. Р.5718. Д.481.
16. РГАНИ. Ф.5. Оп.37. Р.5730. Д.530.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д. 257.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 33.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.47.
20. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 160.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д.157,159 – 160,162.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 288.

24. Самойлов Р. Грубые ошибки в «Хрестоматии по истории СССР» // Литературная газета – 1948. – 20 декабря.
25. Советское общество: Возникновение и развитие, исторический финал. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
26. Судьбы генетики в нашем Отечестве // Суровая драма народа. – М.: Политиздат, 1989.
27. Федосеев П. Марксистская теория классов и классовой борьбы // Большевик – 1948. – № 14.
28. Философия в СССР: версии и реалии // Вопросы философии. – 1997. – № 11.

УДК 94(420).01/05

А.Г. Глебов**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

В статье анализируется комплекс проблем в контексте развития института королевской власти у англосаксов. Вопрос о времени и роли королевской власти в становлении государства является дискуссионным. Автор обращает внимание то, что при наличии разногласий в трудах англо-американских медиевистов, они единодушны в

том, что влияние короны на формирование многих сторон социально-экономической и политической жизни раннесредневековой Англии оказалось решающим.

Ключевые слова: англо-американская историография, королевская власть, раннесредневековая Англия, Глафорд.

A.G. Glebov**SOME ISSUES OF THE HISTORY OF ROYALTY IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND
IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY**

In the article a complex of problems in context of royalty development is considered. The issue of time of emergence and the role of regal power in state genesis is debatable. The author pays attention to differences of opinion among Anglo-American medievalists.

Большинство исследователей, изучающих историю англосаксонской Британии, сходятся во мнении, что развитие института королевской власти у англосаксов было во многом обусловлено сложностью процессов их политической консолидации. Однако вопрос о времени формирования института королевской власти и его общей роли в становлении государства и его административной системы до сих пор продолжает оставаться дискуссионным.

Прежде всего, это касается вопроса о генезисе королевской власти. В связи с ограниченностью источниковой базы и от-

Nevertheless, they unanimously agree about decisive influence of the Crown on many aspects of social-economic and political life of Early Medieval England.

Key words: Anglo-American historiography, royalty, Early Medieval England, Hlaford.

сутствием четкой методики ее анализа у исследователей возникали большие трудности в интерпретации имеющегося в их распоряжении материала. Очень часто рождались прямо противоположные гипотезы и предположения. Обозначим основной круг проблем, затрагиваемых современными англо-американскими исследователями при изучении развития потестарных структур в ранний англосаксонский период.

Для английской медиевистики второй половины XIX и начала XX столетий было характерно убеждение, что основы обще-